

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. В. КРАЕВСКИЙ,

академик-секретарь Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО,
доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАО

РАВНОДУШИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Каждая эпоха помечает себя, делая «зарубку» в народном сознании в виде супер-популярной мелодии, прически, покроя одежды, характерных пословиц и поговорок. Начало XXI века у нас отмечено общенародным присловьем: «От меня ничего не зависит». Это ответ на все вызовы времени, на все проблемы: не зависит от меня стихия — потепление, похолодание, мороз и оттепель в природе и обществе, настроение начальства, его решения и т. д.

Мне довелось в одном не очень известном журнале прочитать статью «Жить без боли» об американской девочке, еще ребенке-семи-летке, пораженной уникальным недугом — она не чувствует боли. Казалось бы, жизнь в раю. Анестезиолог отдыхает. Можно удалять зубы, оперировать что угодно — пациент будет шутить и смеяться. На самом деле это тяжелейшая патология. Организм лишается обратной связи, не воспринимает сигналов опасности и может погибнуть, даже не заметив этого. Приходится с девочки глаз не спускать — в любую минуту она может получить тяжелую травму, несовместимую с жизнью.

Болезнь общества, не ощущающего боли, так же смертельно опасна для него. О бездушии чиновников говорится немало. Но вот новое — бессердечие простого человека, непроницаемость души для болевых сигналов. Моих коллег — мирных чеченских педагогов, возвращавшихся с конференции, хладнокровно расстреляли военные несколько часов спустя после задержания, отлично зная, что перед ними не бандиты, а учителя. И присяжные вынесли вердикт — не виновны, даже вопреки мнению государственного обвинения. Суд присяжных (по идее, глас народа), оправдывающий убийц и осуждающий невиновных, — не симптом ли это затухания естественного инстинкта социального самосохранения, атомизации общества? Награждение, присвоение степеней и званий не по уму и таланту, а по личным связям, очевидное для всех и не вызывающее протеста, — не издевательство ли над общественным благоустройством,

социальной и просто человеческой справедливостью?

Пример попроще. Попробуйте задать простенький вопрос, например, в транспорте: «Выходите ли на следующей остановке?» Почти наверняка ответа не получите, в лучшем случае еле заметный кивок головы. Не хотят люди общаться. Но ведь общество без общения невозможно по определению.

Могут сказать, что позиция «не высывайся» стара, как мир. Раньше называли ее обывательской. Предоставим слово настоящим экспертам по проблеме — жертвам репрессий. Писатель Бруно Ясенский, сгинувший в ГУЛАГе: «Бойтесь равнодушных!» Немецкий пастор-протестант, долгие годы проведенный в концлагере: «Когда громили евреев, я за них не заступился, потому что я не еврей. Когда принялись за социалистов, я тоже промолчал, потому что я не социалист. За католиков я тоже не заступился, потому что я не католик. Когда подошла моя очередь, заступиться за меня было уже некому».

Видно без особого анализа, что ареал равнодушия опасно расширился. И вот уже интеллигент проходит мимо глупости, несправедливости и прямого надругательства над человеком, показывая этим, что он не интеллигент.

Вряд ли нужно продолжать. Понятно, о чем речь. Более или менее известны и причины. Их много, но я попробую рассмотреть только то, что относится к моей профессии — педагогической. Из двух знаменитых русских вопросов остановлюсь на втором: что делать?

Реформирование образования, которое теперь называется модернизацией, идет перманентно. Уже забывается время, когда оно началось. Может быть, и не начиналось, а было всегда. Скорее всего, так оно и есть. Образование по своей природе стремится обогнать действительность, строит идеалы, воздушные замки и на этом проигрывает, отрывается, как говорят, от жизни. Академики хотят, чтобы школьники знали науки так

же, как они сами, и не замечают разницы между собой и учениками.

Вот замечания Комиссии РАН по поводу того, что написано в подготовленном в 2002 году проекте Федерального компонента стандарта общего образования¹. Не удовлетворил академиком этот проект. Но и поистине мудро было бы сделать так, чтобы все было довольно. Пока педагоги сетовали на перегрузку, которая, вопреки стараниям разработчиков, в какой-то степени явила себя в полученных к тому времени образовательных стандартах, академические математики «вступились за свою дисциплину: часы, отведенные на обучение математике, сокращаются, упрощается ее преподавание»². Это же касается и других естественно-научных дисциплин.

Наступаем на те же грабли. Еще в 1970-х годах в печати указывалось, что школьные программы и учебники, разработанные группой специалистов, не соответствуют целям общего среднего образования и реальным условиям обучения, а если говорить более точно — сильно расходятся с ними.

Не будем повторять то, с чего начали: неправда, что «от меня ничего не зависит». Зависит, и в очень большой степени. Многие решают деятели образования. По определению, образование это не что иное, как приобщение подрастающих людей к культуре. Культура — зримое воплощение цивилизации. Это средство выживания человечества. Неполнота, ущербность содержания образования — одна из причин отчужденности, равнодушия к происходящему, касающемуся каждого человека, которое нельзя не заметить в нашей жизни.

Мне приходилось уже в этом замечательном университете говорить о необходимости воспитания интеллигентности как качества личности, без которого нельзя одолеть социальную патологию, корни которой — в индивидуальном, психологическом. Многие было сказано и написано о культурологической концепции содержания образования, которая ориентирует педагогическую практику на воспитание культурного человека. Культурного, интеллигентного — значит неравнодушного. Недостаточно констатировать, что равнодушные, то есть ущербность эмоционально-ценностных отношений, перерастает рамки отдельной личности и становится бедой общества. Главное — как с этим бороться?

¹ Олег Лезин. Компонент и оппоненты: Российскую академию наук не удовлетворил проект Федерального компонента государственного стандарта общего образования // Поиск. 2002, 29 ноября.

² Там же.

В поисках ответа приходится обратиться к старым истинам, с которыми не надо бы спорить. Но фактически спор идет, и верх в нем одерживает, казалось бы, изжившая себя позиция, плохо совместимая с тем, что недавно еще казалось бесспорным. Речь идет о реставрации приоритета естественно-научного образования по отношению к гуманитарному. Как нельзя более своевременно напоминание о первостепенном значении именно гуманитарного образования. И если уж говорить о традициях России, не противопоставляющих нашу страну и школу остальному миру, а включающих их в мировой цивилизационный процесс, то уместно обратиться к классической российской педагогике и вспомнить, что говорил по поводу гуманитарного (или, как он его назвал, гуманного) образования К. Д. Ушинский.

Отвергая пренебрежительное отношение к гуманитарному знанию и задачам общего гуманного развития современного человека, Ушинский неоднократно весьма саркастически высказывался о культе математики в российской школе того времени. Он отмечал, что «нередко с глубоким знанием математики уживаются в голове самые дикие, уродливые фантазии и упорнейшие, ограниченнейшие предрассудки»³, что «исключительное занятие математикой кладет иногда особенно вредный в жизни отпечаток на человека, сообщает его мыслям именно эту математическую прямолинейность, делает его взгляды на жизнь односторонними, придает им какую-то особенную сухость и безжизненность»⁴.

Этот технократически-математический крен в образовании имеет очевидные отрицательные последствия в реальной жизни. «Недостаток общего гуманного образования, — писал Ушинский, — недостаток знакомства с специальными общественными науками и преобладание математического и технического направления составляют, без сомнения, одну не из последних причин замечательного бессилия и бесплодия нашей администрации, которая, несмотря на свою громадность, математическую рассчитанность и вечное движение своих бесчисленных колес, дает так мало положительных результатов»⁵.

Этим словам около полутора столетия. Безжалостный XX век, казалось бы, показал

³ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения Н. И. Пирогова // К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С. 265.

⁴ Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника престола // К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С. 147.

⁵ Там же. С. 148, 109.

губительность интеллекта без чувства, бездну жестокости, затягивающую человека, лишённого гуманитарного и, стало быть, гуманного стержня. Опыт минувшего столетия показал, как тонок культурный слой — не только в геологических раскопках, но и в отдельном человеке. Если бы нашёлся в начале XIX века человек, который предсказал бы, что в середине XX века в центре Европы будут действовать фабрики по ликвидации людей, а миллионы невинных будут замучены и уничтожены в мирное время с соблюдением наработанных человечеством юридических формальностей — такого провидца, скорее всего, ждал бы сумасшедший дом. Разумеется, не математика виновата. Но если «чувства добрые» оставить за дверями школы, заботиться лишь о том, чтобы не расплескать ни капли драгоценного научного напитка, который мы несем в школу, — это означает близорукость, непростительную в нашу эпоху. Между тем, попытки обуздать обучение самой жизни за счет сохранения и увеличения всего объема математики и других специальных наук ни к чему хорошему не могут привести.

Необыкновенно живучим оказалось сциентистское представление о содержании образования, сводящее последнее к основам наук. Эта концепция направлена на приобщение школьников к науке и производству, но не к полноценной самостоятельной жизни в открытом обществе. Фактически человек выступает здесь в ряду средств производства как «производительная сила». Такое представление о целях и содержании образования было заложено в постановлениях ЦК ВКП(б) о школе, принятых в 1930-х годах.

Сциентизм абсолютизирует роль науки в системе культуры человеческого общества. При этом наивысшей ценностью считаются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются в качестве образца научного знания вообще.

Как это нередко случается, проясняет ситуацию обращение к древней мудрости. Наши далекие предки на латыни выразили мысль, вполне актуальную и в эпоху сплошной информатизации и компьютеризации: *Non ad scholam, sed ad vitam discimus* («Мы учимся не для школы, а для жизни»).

Хотелось бы аккуратно и сбалансировано уложить то, чем мы руководствуемся в подготовке молодежи к жизни, в стройную систему. Но не получается. Борются два гиганта — гуманизация и информатизация. Информация и информатизация — одно из средств благоустройства человечества, а не наоборот. Ин-

форматизация для человека, а не человек для информатизации. Хорошо бы и содержание образования выстраивать соответственно.

Не думаю, что скажу нечто чересчур оригинальное, если напомним, чем должно руководствоваться то образование, которое Ушинский называл гуманным.

Главный принцип образования — его *гуманистическая ориентация*. Он предполагает направленность образовательного процесса на возможно полное развитие тех способностей личности, которые нужны и ей, и обществу, приобщение к активному участию в жизни, соединение бытия индивидуального человека с культурой. При этом важной характеристикой образовательного процесса будет доброжелательное отношение друг к другу его участников, уважение к личности. Этот принцип — основной и системообразующий. В сущности, все разделы педагогики раскрывают и конкретизируют способы его реализации.

Другим общим для всего образовательного процесса является *принцип информатизации образования*, которая представляет собой часть процесса информатизации современного общества. Наша эпоха характеризуется «информационным взрывом», под которым понимают резкое возрастание количества информации — научной, технической, культурной.

Без информатизации сферы образования отставание экономики страны будет складываться еще в средней и высшей школе. Однако при всей важности принципа информатизации он не должен вступать в противоречие с главным направлением — *гуманизацией образования*, имеющим *абсолютный приоритет*. Информатизация не должна вести к сокращению возможностей простого человеческого общения за счет увеличения доли и роли обезличенной информации в школьной жизни детей. К чему может привести уход от живого общения в мир виртуальной реальности, говорит один шестиклассник в бесхитростных стихах:

Наверно, каждый из ребят
Имеет милую игрушку...
А я люблю уже давно
Играть с компьютером бесшумным.
И мне не нужно ничего,
А лишь общаться с другом умным...
Я так люблю свою «игрушку»,
Не променяю ни на что.
Она поможет в жизни трудной
Мне разобраться «кто есть кто».

Это, конечно, мечты ранней юности, не более. Разобраться в жизненных ситуациях по-

может живой, доброжелательный и умный друг, а не хитроумная машина. А вот то, что юному автору «не нужно ничего», кроме компьютера, должно быть для педагога сигналом — занимаясь информатизацией, не забывать о человеке.

Но есть нечто еще более органичное, чем культура, на чем, в конечном счете, она и основывается. Это удививший Канта «нравственный закон внутри нас», который заложен генетически как социальный механизм самозащиты человеческого вида. У человека нет врожденных физиологических механизмов самозащиты, выживания человечества, и остается опора на механизм социальный. Он воплощается в разных формах и сохраняется примерно в одном и том же виде в разных исторических памятниках и документах, от библейских заповедей до «Кодекса строителя коммунизма»: «Не убий», «Не укради» и дальше по тексту.

Как сделать, чтобы каждый человек ощущал этот механизм как нечто лично значимое для него? Один из возможных путей может быть таким. Нужно показать человеку, что бороться с индивидуализмом трудно. На наших глазах атомизируется общество, которое столько лет обучали коллективизму. Значит, это свойственно человеческой природе. Выход в том, чтобы сделать такие человеческие качества, как честность и совесть, честь и достоинство *лично значимыми*. Иными словами — показать, что нечестным быть невыгодно. Мы сейчас живем в эпоху «дикого капитализ-

ма», который основан на незамысловатой модели поведения: схватил кусок — и бежать. Надо, чтобы человек понял, что, поступая так, он навредит себе, то есть один кусок возьмет, а другой уже не сможет, потому что ему больше не будут доверять. В устроенном рыночном хозяйстве многое держится на честном слове, и вовсе не потому, что там все внутренне хорошо. Невыгодно быть нечестным. В следующий раз тебе не поверят, поэтому приходится вести себя соответственно. Может быть, это и есть начало пути в приобщении отдельного человека к высшим ценностям.

В заключение скажу, что в школе и в жизни невозможно безнаказанно игнорировать личностное, эмоционально-ценностное отношение к миру и к другим людям. Сочувствие, сострадание — это совместное чувство, совместное страдание. Отсутствие этих чувств — болезнь. Ее симптомы — ущербность воображения, невозможность поставить себя на место другого. Это патология, ненормальность. Но болезнь пройдет, а здоровье останется. Через столетия звучат пронзительные строки, которыми начал свое знаменитое «Путешествие...» первый русский интеллигент Радищев: «Душа моя уязвлена страданиями человеческими стала».

Лучший способ помянуть человека, который воистину сочувствовал и сострадал, — Дмитрия Сергеевича Лихачева — это не только словами, но и делом помочь тем, кто заблудился, вернуть себе сполна и жизнь, и слезы, и любовь.